Annotation

Экспериментальный рассказ, в котором повествование ведется от лица героев, переходя от одного к другому.

-
  - Глава 1

Чипаколипсис

Глава 1

КАТЯ, учительница

На первом уроке мне едва не откусили руку.

Спас Джем: огрел ученика каучуковой палкой по голове – и тот рухнул на пол. Я даже не пискнула: полтора года нищеты научили меня прятать чувства, словно ворованный шоколад, в потайной карман. Неуклюжая фигура на полу встала на карачки, потрясла по-собачьи головой и, поднявшись, уселась за стол, как ни в чём ни бывало.

– Продолжайте, – сказал охранник. – Коленька уже успокоился.

О школе Изы Марк писали в те дни много: одни с оптимизмом и надеждой, другие с любопытством, третьи – с откровенной ненавистью. Последних было большинство, и ожидание неминуемой трагедии витало в воздухе. Букмекеры публиковали списки школьных сотрудников и принимали ставки на имя первой жертвы. О школе спорили в социальных сетях и оффлайне и даже в ящике для стариков (как уже тогда называли телевизор) бесконечно перебирали одни и те же аргументы. Так старый холостяк перебирает утром нестиранные носки в поисках свежей пары, и никак не может отыскать.

– Продолжаем занятие! – произнесла я, отойдя подальше от Коленьки. – На картонках, лежащих перед вами, нарисованы предметы, нужно указать лишний. Не торопитесь, я подойду к каждому.

В прежние времена в замке, где располагалась школа, трудилось до сорока слуг – говорят, все они были чистыми и погибли во время Чипаколипсиса вместе с хозяевами. Теперь здесь заправляла госпожа Марк – правительство субсидировало открытие реабилитационной школы для одноухих и их жертв.

– Покажи, какой предмет лишний! – обратилась я к ученице по имени Нина. В руке Нина сжимала дорогой костяной гребень ручной работы. Вещи из прежней жизни, память о которых странным образом жила в искалеченном сознании, самая большая ценность бывших. Признак того, что они не ушли за край окончательно. Из левого уха ученицы торчали остатки модного несколько лет назад интерфейса.

Видно, кто-то вырвал в драке, в борьбе за собственную жизнь – вырвал грубо, изуродовав некогда красивое лицо. Поколебавшись, Нина выбрала ответ. Затем рука её дернулась, и женщина занервничала, беспорядочно водя гребнем по голому черепу. Я невольно замешкалась: под этим голым черепом, под обезображенной кожей, где-то там среди руин души – невидимой и неведомой для нас – остались обычные человеческие чувства.

– Всё правильно, Нина, молодец! – и гребень тут же вернулся на стол.

Я пошла между рядами, читая имена на тёмно-синих робах и спрашивая ответы. И в какой-то момент, забывшись, оказалась рядом с Коленькой. Одноухий ухватил меня за руку и потянул к себе. Ему почти удалось добраться до моей шеи, но охранник был начеку. Одна рука его обвилась Коленьке вокруг горла, а другая стала бить концом палки в челюсть, в ухо, в пустую глазницу. В конце концов, опрокинув стол, мы полетели на пол – и все пять недавно установленных камер одновременно повернулись к нам, фиксируя происходящее. Через пару минут прибежал ещё один охранник и выволок Коленьку из зала, по пути приложив головой о косяк. Впрочем, что ему от ударов? Он их не чувствует.

– У вас кровь, Катерина Павловна, – Джем помог мне подняться, усадил на стул и протянул салфетку.

– Кровь?

– Ничего страшного, царапина.

– Царапина?

Я никак не могла угнаться за словами мыслью.

– Разрешите, вытру, а то одежду запачкаете. Вот так… Вы в порядке? Посмотрите сюда: сколько пальцев видите?

Перед моим лицом возникли тощие пальцы Джема.

– Три, – справилась я с заданием. – Окно…Можно приоткрыть окно?

– Мигом! – непонятно чему обрадовался охранник.

Сделал шаг (мне понадобилось бы три), протянул руку, и в распахнутые створки ворвался влажный сентябрьский ветерок. Как будто только и ждал, когда ему откроют. Вернулся Лука, второй охранник, объявил, что урок окончен и застыл, поигрывая дубинкой и наблюдая, как ученики покидают класс. Они выходили цепочкой,

другом за другом, словно куклы, покидающие сцену театра марионеток. Только одна фигура нарушила строй. Я испуганно дёрнулась, Джем вскочил на ноги, но фигура не собиралась нападать: держа голову почти параллельно плечу, Нина протягивала мне свой гребень.

– Спасибо, – прошептала я, и, символически расчесав волосы, отдала обратно.

– Никогда такого не было, – произнёс Джем, когда мы вышли в коридор и оказались вне видимости камер. – Им же лекарство колют, Паскаль в шутку его тормозином зовёт.

– Паскаль?

– Доктор наш.

– Ах, да… Спасибо, Джем! Если бы не вы…

– Ерунда… Я вот понять не могу: Коленька вообще тишайший…

Меня передёрнуло. Лапы Коленьки мне теперь всю жизнь сниться будут.

– … он и без тормозина никого не трогал. Чепуха какая-то!

Охранник развёл длинные руки в стороны, словно собрался обнять облако. Я уже достаточно пришла в себя, чтобы заметить: мой спаситель хочет сказать что-то ещё, но не решается. Вопросительного взгляда оказалось достаточно. Умный! А ведь поначалу совсем не глянулся: слишком долговязый, слишком тощий, слишком невзрачный. Неформатный какой-то мужчина, а я всегда опасалась тех, кого нельзя классифицировать. Жизнь хороша своей предсказуемостью.

– Катерина Павловна, понимаете, какое дело…– начал он.

– Пока нет, – насторожилась я.

– Про случившееся… Вокруг школы журналисты ведут экскурсии.

– Дискуссии.

– Ну да! Я, когда волнуюсь, слова путаю. Вы бы не рассказывали никому, что случилось? Не хочется работу потерять.

– Это плохой совет, Джем!

Хриплый и резкий, будто карканье, голос госпожи Марк, заставил нас вздрогнуть. Она остановилась рядом, опираясь двумя руками на мужскую трость, и в накинутой на плечи тёмной шали напоминала нахохлившуюся птицу. Края шали свисали с локтей, словно крылья, и сквозняк-ветерок легонько покачивал их. На вид Изе Марк было за

пятьдесят: некогда круглые щёки её опали, и время резко очертило губы и удлинило нос. Зелёные глаза казались огромными – наверное, из-за непропорционально маленького лба.

– Я не буду скрывать наши проблемы, – надменно произнесла она. – Если журналисты раскопают их сами – выйдет хуже.

Взгляд у госпожи Марк был тяжёлым. Она перевела его с охранника на меня, словно перетащила чугунную гирю.

– Надеюсь, этот эпизод не отвратит вас от работы в школе? – прокаркала директриса.

– Не отвратит, – пробормотала я.

– Я распоряжусь, чтобы вам выписали премию.

Иза Марк ещё раз пристально глянула на меня и, развернувшись, зацокала каблучками по каменному полу.

Джем передернул плечами.

– Я её боюсь, – признался он.

ДЖЕМ, охранник

– Я её боюсь…

Слова из моей глотки вылетели сами, помимо воли. Хорош защитник! Сперва чуть не облажался, а теперь и вовсе – «боюсь». Какого анчибела коротышка сегодня разбушевался?! Может, Паскаль ему тормозина не вкатил? Средство дорогое, дефицитное – продал на сторону, понадеявшись на тихий нрав Коленьки. Ряху разобью, ежели так.

Училка мне сразу глянулась – беззащитная, хрупкая, но с характером. Согласится ли она погулять вечером? Правда, тут и гулять негде. Разве что на вышку: оттуда звёзды хорошо видны и бывшие бесшумно не подберутся. Их, вроде, не осталось на побережье, но кто знает?

В сырых и мрачных коридорах замка не горят лампы и целыми днями играют меж собой тени. От оленьих рогов, от оскаленной пасти волкодалка (так гласит семейная легенда), от распятой на стене шкуры медведя. Кое-где в тяжёлых позолоченных рамах висят портреты прежних хозяев. Хари у этих аристократов такие, будто они всю жизнь разбоем промышляли. А, может, и промышляли… Пока топал в медблок, встретил двух наших подопечных. Сначала Нину: уходя из класса, она собрала со столов картонки с заданиями и теперь изучала их, усевшись на пол в закутке под окном.

– Сбежала? – усмехнулся я. – Вставай, пошли! Трудотерапия у вас по расписанию: в саду убираетесь.

Наши подопечные как собаки, им интонация важна. Лука с Паскалем этого не понимают, разве что Марсель, наш повар.

Нина засуетилась, начала складывать картонки, но так неуклюже, что те всё время выскальзывали из рук. От этого она нервничала, хваталась за гребень, чесала им голову, затем снова принималась собирать своё богатство. Вообще-то нам не рекомендуется помогать в таких ситуациях. Но мне легче наклониться и помочь, чем стоять столбом.

– Вот прикроют школу из-за дружка вашего Коленьки, – хмуро произнёс я, отдавая ей стопку картонок. – Что делать будете? По лесам разбежитесь?

Через сотню шагов мы столкнулись с уродливым великаном по кличке Цыпа. Комиссия была против его обучения, но Марковна настояла. «Чем страшнее набор, – сказала она, – тем эффектнее результат». Цыпа внушал окружающим прямо-таки звериный страх. Сам видел, как опасливо поглядывал на него Паскаль, вкатывая великану тройную дозу тормозина. Марсель сразу бросал все дела и убегал. Даже Лука трусливо сторонился гиганта.

Цыпа стоял напротив портрета и пристально смотрел на чувака, склеившего ласты триста лет назад. Над ними подрагивала люстра с двумя пустыми рожками под толстым слоем пыли. Со стороны казалось, она дрожит от страха. Внезапно гигант размахнулся и врезал аристократу с картины кулаком в лоб.

– Классовая ненависть? – поинтересовался я нейтральным тоном.

Услышав голос, Цыпа развернулся. Уставился на меня с таким видом, словно мысленно рисовал крестик, куда забить гвоздь и мой лоб казался ему подходящим местом. Но тут выяснилось одно любопытное обстоятельство. Пройдя мимо, Нина легко потянула его за руку, а он послушно затопал вслед! Если бы я умел умиляться, непременно смахнул бы слезу. Но я только облегченно выдохнул и, проводив одноухих до выхода, направился к Паскалю.

В медблоке было тесно от герметичных шкафов ростом под потолок и столов с лабораторным оборудованием. Пока я протискивался в «центр управления», на меня зловеще шипели колбы

с химической дрянью и скалились из прозрачных кубов залитые спиртом уродцы.

– Ну? – вместо приветствия произнёс я.

– Чего тебе? – доктор был слегка навеселе.

– Что скажешь насчёт всей этой каталепсии?

Паскаль непонимающе посмотрел на меня, потом хмыкнул и поправил:

– Катавасии, Джем. Ничего не скажу.

– Знаешь, док, мне тут пришла в голову одна мысль. Не забыл ли ты поставить укольчик нашему Коленьке? После чего коротышка и распустил руки.

– Не твоё дело, Джем. Я не лезу к тебе с советами, как за порядком следить, верно?

– Сегодня чуть человек не погиб!

– Человек бы не погиб, а заразился. Вероятнее всего.

Паскаль сказал это с таким равнодушием, что вывел меня из себя.

– Ты мне зубы не заговаривай! Думаешь, не догадываюсь, что тормозин от тебя налево идёт?

– Да пошёл ты, Джем!

– Ах, ты, гнида! – разозлившись, я ухватил его за шкирку и приподнял над полом. Ростом док невелик, телосложением хлипок, самое тяжёлое в нём – очки.

– Тебя уволят! – пропищал Паскаль, нелепо болтая ногами. – Одно моё слово – и ты вылетишь с волчьим билетом!

– В общем так, док, – возвращая его на пол, жестко произнёс я. – Ещё раз подставишь, я тебе башку сверну. Ясно?

– Да, – пробурчал Паскаль, возвращаясь в кресло. – А на тебя я всё равно нажалуюсь, Полипемон хренов.

– Как бы тебе это боком не вышло, – пообещал я и вышел, притворив дверь.

ПАСКАЛЬ, доктор

– Как бы тебе это боком не вышло, – пригрозил Джем и выбежал, хлопнув дверью.

От его криков у меня разболелась голова и успокоилась совесть. Туполом. Я достал из шкапчика склянку и плеснул в стакан немного самодельного джина. Понюхал божественный запах можжевельника, выпил, подождал с закрытыми глазами, пока джин сбежит приятным

ручейком по пищеводу и только тогда вернулся к работе. Анализ давал очень и очень любопытные результаты! Как жаль, что мы живём в мире идиотов. Сколько человек в этой Вселенной способны оценить строгую гармонию цифровых столбцов и поэзию графиков с разноцветными линиями, пересекающими друг друга?

Когда вошла Иза Марк в сопровождении дурно пахнущей обезьяны по имени Лука, я всё еще любовался картинкой на мониторе.

– У тебя всё готово? – кутаясь в шаль, спросила Иза.

Пожалуй, я единственный, с кем она на «ты», всё-таки без малого пятнадцать лет прожили вместе.

– Все камеры в рабочем режиме: картинка выйдет супер! Но есть одна медицинская проблема… Это большое открытие в науке, но для нас – проблема.

Зелёные глаза Изы недобро сверкнули. Усевшись, она на мгновение прикрыла веки, готовясь к плохим новостям, а затем откинулась на спинку стула и сухо произнесла:

– Слушаю.

– Гипотеза была у меня ещё год назад, но абдериты из биотехнической академии меня высмеяли! Доктор Жмураковски, полный болван, заявил тогда…

– Паскаль! – ледяным тоном оборвала мой рассказ Иза. – Меня не интересуют твои научные споры с оппонентами. Ближе к делу.

– Ближе так ближе, – буркнул я. – Мы перестали колоть тормозин нашим прелестным школьникам пять дней назад. Уровень их агрессии должен был вырасти, но этого не произошло.

– Почему?

– Потому что он не расщепляется в их организме, а накапливается! – выпалил я. – По какой-то причине вещество, ответственное за расщепление, перестаёт их долбанным организмом вырабатываться.

– Почему же тогда Коротышка вызверился? – влез в наш разговор Лука. От его небритой физиономии несло дешёвым одеколоном и ментоловыми сигаретами.

– То совсем другая химия, Лука.

– Какая другая?

– Любовная. Ты вообще в курсе, что любовь – это химический процесс? И приворотные зелья средневековых ведьм вполне имели

смысл. Теоретически, конечно. На Коленьке я попробовал любовное зелье, кхе-кхе…

– Хватит болтать! – Иза рассержено стукнула тростью о пол. – Блокировка в чип забита, он точно нас троих не тронет?

Я бросил быстрый взгляд на Луку и тут же отвёл глаза.

– Точно. Во время чипаколипсиса тысячу раз проверено: выборочная блокировка в обход вируса действует. Недолго, но нам хватит.

– А другие?

– Другие не страшны, они слишком медлительны. Всё будет ферштейн-энштейн, лишь бы Лука не накосячил.

– За пробирками следи, – скривился он.

ЛУКА, второй охранник

– За пробирками следи, – осадил я доктора.

Достал сигарету, задымил – не любит очкарик запах табака. А мне нравится, когда Паскаль бесится. Старуха, правда, глянула неодобрительно, но плевать. Как же их рожи за полгода остодылбили! Провернём дельце и свалю я отседова, как шишмарь с кладбища.

– Держи, – доктор протянул мне шприц-контакт с ядовито-зелёной жидкостью. – Четверть введешь в разъём технолошади, остальное – свиньям.

– Они меня не сожрут?

– Побрезгуют, – оскалился Паскаль.

Но я не спешил взять отраву: пусть подольше ручку подержит навытяжку.

– Не заразно?

– Ты дебил?! – взорвался доктор.

И положил шприц-контакт на стол.

– Это не вирус! Это просто сильный химический возбудитель. Через пару часов животные будут носиться под двору, словно обезумевшие. Представь это потом на экране!

– А я-то гадал, чем ты по утрам из шкафчика похмеляешься: вона чо, оказывается! Озверинчиком балуешься?

– Осточертели твои шуточки, Лука!

Осточертели ему, видите ли. Я ещё позлюкал его, дожидаясь каргу с её костылем и только потом удалился из медблока. Она – к блоггерам, а я – к свиньям.

Темнеет на этом долбаном юге быстро, снизу вверх. Будто чёрти из-под земли чернила качают. Открыл конюшню, стукнул по выключателю – зажглась тусклая лампа, подсвечивая разлитые по углам сумерки. Получился не то туман, не то дымка – размыто всё, мутно. Впереди из тумана на свет высунулась лошадиная морда. Посмотрела на меня, всхрапнула, раздувая ноздри, и спряталась обратно.

– На мясо тебя пора, – зябко передёрнув плечами, проворчал я.

Отыскал на стене разъём общей сети, присоединил шприц, и вдруг, как гром с неба, похоронный марш заиграл!

Сердце в пятки – у-у-у-х!

Не сразу и сообразил, что это мобила в кармане. Марш я для прикола скачал и забыл: хрен разберёшься в этих AM и PM. Связи в замке нет, только стационарный аппарат у хозяйки. Но мобилу я при себе таскаю – в покер поиграть, блатняк послушать. Обещали скоро вышку починить, а пока по ночам Джем туда на звёзды глазеть лазит. Больной на всю голову…

Опустошив на четверть шприц, я немного постоял, приглядываясь, но перемены в поведении биомеханической кобылы не заметил. Закрыл конюшню и по влажной после дождя дорожке направился к свиньям. Снаружи замок казался зловещим: тёмный уродливый монстр со светящимся глазом окна. Скорей бы свалить, обрыдла эта жуть. Свинарник оказался не светлее конюшни: внутри плескался наваристый нуар со свиными харями. Сюда бы чистоплюя Паскаля с его нелюбовью к запахам! И похоронный марш ему сыграть: жаль, не додумался до этой шутки раньше. Выцедил озверин в общий разъём, тщательно вымыл руки под краном и торопливо зашагал обратно в замок. Предстояло самое сложное.

Карга толкала речь об успехах школы. Все, мол, стали, паиньками, а случившееся – из ряда вон и никогда не повторится. Стрельнула в меня глазами, я в ответ кивнул: всё в порядке. Блоггеры крутили задами на неудобных деревянных табуретах («Им всё должно не нравиться! – сказала Иза. – С самого начала»). Рядом с Изой раскачивался вперёд-назад Паскаль. Привычка у него такая: стоит и с каблука на носок переваливается. Виновник нынешнего собрания тоже был здесь: Иза всю неделю вдалбливала гадёнышу, какую роль тот должен исполнить. Пустая затея, как по мне – одноухие без своих

чипов слишком тупы. Зато над ними издеваться прикольно – рассказать-то никому не могут. Слева и справа от стола стояло еще несколько тварей во главе с Цыпой. Блоггеры то и дело поглядывали на него и щёлкали камерами: до того мы своих уродов публично не светили. Обстановка быстро накалялась. Иза держалась надменно и даже презрительно – специально провоцировала! – блоггеры срывались на ор, перекрикивая друг друга и отпуская язвительные реплики. Камеры равнодушно делали запись – Паскаль расположил их так, чтобы видна была только часть зала. Подойдя к Джему с училкой, я прервал их щебетанье кратким «пошли!».

– Куда? – удивился Джем.

– Туда! – указал я на дверь в дальнем углу. – И вы тоже, Катерина Павловна. Хозяйка велела кое-что показать.

Старая лестница за дверью жалобно застонала, словно её ступеням стало больно от прикосновения наших ног. Зато лампы палили ярко, заливая светом неоштукатуренные стены, потемневшие ступени и отполированные ладонями перила. Подвал был разделен на два помещения – электрощитовую и винный погреб. Первое – мелкое, с дверью в конце первого пролёта лестницы и узким окошком, выходящим в погреб. Второе – большое, с высокими трёхметровыми потолками. Сдаётся мне, в средневековье здесь пытали пленников. Очень уж стол в углу напоминал дыбу.

– Что там? – поинтересовался Джем, указывая на дверь.

– Не что, а кто! – ухмыльнувшись, ответил я. И тут вспомнил, что одолжил ему на прошлой неделе денег. Нехорошо получилось… Он ведь скоро умрёт, кто мне тогда долг возвратит? Я повертел в руках ключи и глянул на Джема: отдаст – не отдаст?

– Слушай, ты мой полтос ещё не потратил? Позарез нужно сегодня, можешь без процентов.

– Мы ж до зарплаты договаривались!

Он даже покраснел: то ли на меня разозлился, то ли перед училкой неловко стало.

– Обстоятельства изменились. Отдай хотя бы, что есть.

– А жить я на что буду?!

– Деньги-то мои. Сам подумай, Джем: пусть они у тебя в кармане, но это мои деньги. Захотел – дал, захотел – взял обратно. Верно?

– Ну ты и дерьмо! – сквозь зубы просипел он.

– Погодите, у меня есть деньги! – вмешалась училка, открывая сумочку. Достала кошелёк и отсчитала пятьдесят рублей.

– Не беспокойтесь, Джем, – сказала она своему спутнику. – С зарплаты отдадите.

Я ухмыльнулся: планы планы… Отодвинул засов, открыл замок, распахнул двери и торжественно произнёс:

– Знакомьтесь, наш новый ученик!

ДЖЕМ, охранник

– Знакомьтесь, – распахнул двери Лука, – наш новый ученик!

В просторном подвале стояла древняя железная клетка. Плоские, кованые вручную, прутья покрылись рыжими пятнами, но выглядели по-прежнему внушительно. Дверцей служила передняя решётка, поднимавшаяся на полметра вверх: пленника заставляли пролезать под ней. Квадратные колонны с обеих сторон узилища ещё хранили массивные кольца для крепления решетки и гнёзда для факелов. Но затем в подвал старого замка пришла цивилизация. Она заменила факелы лампами, а мускульную силу электрической лебедкой. А клетка осталась. И в неё по-прежнему нашлось, кого посадить.

Пленник, завидев нас, вскочил на ноги и зарычал. Ноздри его раздулись, вдыхая новые запахи – он знакомился с нами по-звериному, но следил только за Лукой. И столько ненависти было в его взгляде, что её хватило бы на тысячу обиженных судьбой.

– Не любит он тебя, – покосился я на своего напарника.

– Есть за что, – осклабился тот, явно вспоминая, как издевался над пленником.

Мы медленно подошли к клетке. Вирус странным образом отразился на одноухом, оголив от кожи локти и колени.

– Почему у него не вырезали чип? – нарушила молчание Катя. – Он же опасен.

Вместо ответа Лука как-то неловко попятился и исчез за дверью, с шумом её захлопнув. В следующий момент послышался лязг затвора о железные петли и в замке со скрипом дважды повернулся ключ.

– Эй, – опешил я. – Ты куда?

Никто не ответил.

– Лука!!

Мы растерянно переглянулись. Прошла целая вечность – минуты две – прежде чем, под потолком распахнулось окошко из щитовой, и в

нём показалась физиономия Луки.

– Что за глупые шкурочки?! – сердито спросил я. – Тебе морду давно не били?

– Шуточки, Джем, – поправил он. – Шуточки. Морду ты мне хрен набьёшь, но если кулаки чешутся – я тебе устрою спарринг.

Загудела включенная лебёдка, и решетка клетки дёрнулась, тут же остановившись. Джем куражился в своём скотском стиле.

– Что происходит? – испуганно спросила Катя

– Школа закрывается, Катерина Павловна. Вас и Джема увольняют.

– Почему закрывается? – вопрос девушки показался мне глупым, но Лука неожиданно пустился в пространные объяснения.

– Как напишут оставшиеся в живых, – он ёрничал и делал это с явным удовольствием, – «звериная сущность учеников дала о себе знать». Красиво я завернул, да? «Первыми их жертвами стали учительница и охранник. Заразившись, они напали на блоггеров…»

– Это же преступление!

Вместо ответа решетка снова приподнялась на пару сантиметров и замерла. В этот момент я, наконец, поверил в реальность угрозы. Голова моя прояснилась, как всегда бывало в момент опасности – мозг искал выход из положения, блокируя всё, что мешало этому поиску. Решётка проехала вверх ещё немного, пленнику удалось просунуть под неё руки, но как он ни силился, поднять её выше был не в состоянии.

– Иза не простит закрытие школы! Она тебя из-под земли достанет, – пока моя голова лихорадочно перебирала варианты, язык пытался выиграть время.

– Она всё и придумала, Джем. Паскаль предлагал посвятить тебя, но я сразу сказал, что ты идиот.

– Отпусти девушку, – попросил я. – Её-то гибель тебе зачем?

– Двести тысяч лишними не бывают. Ты за ставками у букмекеров следил со смешками, а я пошёл и поставил деньги. Впрочем, Паскаль со старухой тоже идиоты. Представляю, их рожи, когда выяснится, что я стёр их имена в стоп-файле.

Решётка снова поехала вверх, но на этот раз я был готов. Подскочил к клетке, накинул кольцо на крепежный штырь и зафиксировал своей дубинкой. Бог держал за нас кулаки: дубинка

идеально подошла и теперь крепко держала решётку, не давая ей двигаться ни вверх, ни вниз. Существо в клетке, отчаянно рыча, всё ещё пыталось вырваться, но до моей дубинки при всём желании дотянуться не могло. Ситуация изменилась: грязное ругательство, прилетевшее из окошка щитовой стало лучшим тому доказательством. Я подбежал к выходу и замер, ожидая Луку. В тот момент я был готов проломить ему череп.

Вот коротко лязгнул навесной замок.

Вот заскрежетал, повизгивая о металлические петли, засов.

Теперь дверь была свободна, но открывать её никто не спешил.

Так мы и стояли, считая про себя: раз, два, три…двадцать, двадцать один, двадцать два… Мелькнула мысль, что Лука испугался содеянного и ушёл, освободив нас. Собираясь броситься за негодяем, я толкнул дверь – она открывалась наружу – и замер на месте. На меня смотрело дуло пистолета.

– Не дури, Джем, – предупредил Лука. – Ты зырил, как я стреляю. Сделай пять шагов назад. Вот так. Теперь таким же черепашьим аллюром иди и вытащи свою чёртову палку.

– Я лучше умру.

– Не-е, Джем, ты у нас джентльмен. Будешь защищать подружку до последнего. Шишмарь тебе в задницу, как же я вас таких правильных ненавижу!

– Отпусти девушку, и я вытащу дубину.

– Она слишком дорого стоит, Джем. Ты мечтал в детстве стать рыцарем и спасти принцессу? Я тебе дарю этот шанс.

Я взглянул на Катю: она была испугана, но держала себя в руках. На миг мне даже показалось, что она хочет броситься на Луку. Видимо, и ему тоже: скривив губы, он предупредительно повел пистолетом в её сторону.

– Когда выскочит пленник, и мы сцепимся, – сказал я, обращаясь к девушке, – бегите! Не медлите, не оборачивайтесь – бегите.

Я крепко сжимал в руках дубинку, намереваясь биться до последнего. Когда решётка достаточно поднялась вверх и под ней можно было пролезть, одноухий нырнул вперёд ногами и обрёл свободу. Спасла меня ненависть существа к Луке: он отмахнулся от меня, сметая со своего пути, и устремился к двери. Удар был настолько

силён, что я полетел в сторону, словно кегля, и, приземлившись, ударился головой о каменный пол.

КАТЯ, учительница

Удар оказался столь силён, что Джем полетел в сторону, словно плюшевый кролик, и, ударившись головой, потерял сознание. Физиономия Луки в удивлении вытянулась: он как будто не ожидал, что одноухий бросится на него. Но реакцией дьявол охранника не обидел: через мгновение того и след простыл. Я подбежала к дверям, но они не закрывались изнутри. Совсем рядом рычал вырвавшийся на волю одноухий: бил, ломал другую дверь – в щитовую, где укрылся Лука. Затем мне показалось, что единственное спасение – укрыться в клетке. Я поволокла туда Джема, но он оказался невероятно тяжёл: мне никак не удавалось протолкнуть его под решёткой. В отчаянии я пихала, тянула, пинала своего спутника, наставив два десятка синяков и, наконец, затащила в клетку, обломав себе ноготь и разбив до крови коленку. Но и тут оказалось невозможно укрыться: лебёдка не давала опустить решётку. Громкий выстрел оглушил меня. За ним последовал второй, из щитовой донёсся мат, а из коридора – рёв. Меня трясло от страха. Не знаю, сколько прошло времени, когда я поняла, что шум стих и наступила тишина. А вслед за тем увидела в дверях обезображенного вирусом одноухого. Он глухо заворчал, рассматривая близкую и лёгкую добычу, но нападать не решался.

«Клетка! – мелькнуло у меня в голове. – Он боится клетки! Не хочет возвращаться в неё».

Удивительно, как неверные решения спасают от верной гибели!

Недовольно рыкнув, одноухий развернулся и ушёл. Когда его шаги стихли, наступила невероятная тишина. Я опустилась на пол, прислонилась спиной к прутьям, закрыла глаза и потеряла счёт времени. А потом, к моему огромному облегчению, Джем пришёл в себя. Выслушав сбивчивый рассказ, поднялся на ноги, постоял, заново привыкая располагаться в пространстве вертикально, и решительно сказал:

– Надо выбираться, пока Лука не очнулся!

Я так и подпрыгнула на месте. За два года после Чипаколипсиса, инстинкты выживания притупились. Вирус, проникающий в чипы людей, превращает их в безумных тварей, изменяя не только разум, но и физиологию. Они нападают на чистых – тех, кто не чипирован и

заражают, превращая в таких же безумцев, только более медлительных и неуклюжих. Преображения занимает обычно от пары минут до пары часов: если Лука заражён, то вскоре превратится из жертвы в охотника.

– У него остался пистолет и, возможно, патроны, – произнёс Джем, вылезая из клетки.

– Ты его убьёшь? – почему-то шёпотом спросила я. – В смысле по-настоящему. Окончательно.

– Нет. Притащим сюда и запрём.

Лука лежал, не шевелясь, придавленный перевёрнутым столом. Кожа его начала покрываться зелёным узором – вены под ней набухали и меняли цвет. Через несколько дней кожа начнёт отмирать, но так и не успеет завершить этот процесс – ссохнется и отвердеет. Неведомые мне процессы время от времени будут окрашивать отдельные участки тела то болотным, то кофейным, то иссиня-чёрным цветом. А глаза станут красными и начнут светится в темноте наподобие кошачьих. Но потом пройдёт и это – организм обретёт некое постжизненное равновесие: врачи до сих пор спорят, продолжение ли это жизни или совершенно иное состояние, не жизнь и не смерть.

Джем с трудом разжал онемевшие пальцы заражённого и вытащил пистолет. В карманах нашлись и запасные патроны, теперь мы были вооружены.

– Разберись, как включается лебёдка, – взваливая бывшего напарника на плечо, попросил Джем.

Из окошка я наблюдала, как он без особых усилий отнёс Луку в подвал и затащил тело в клетку. Положил у стены и встал, не то прощаясь, не то просто рассматривая человека, едва не отправившего нас в путешествие между тем и этим светом. И вдруг, заставив меня подскочить на стуле, в щитовой громко заиграл похоронный марш Шопена. Он звучал из мобильного телефона, лежавшего на подоконнике. Музыка «разбудила» Луку: тот очнулся и сел, озираясь по сторонам.

– Закрывай! – крикнул Джем, выныривая из клетки.

Я занервничала, принявшись опускать все попадающиеся под руку рубильники и нажимать всё, что напоминало кнопки.

– Скорее! – орал внизу Джем.

– Стреляй же в него! – завопила я и нечаянно вырубила в подвале свет. Джем выругался, затем выстрелил, затем выругался ещё сильнее.

Я торопливо вернула рубильник в исходное положение и тут заметила пульт с двумя большими кнопками – красной и зелёной. Торопясь, придавила зелёную кнопку и облегченно выдохнула: лебедка начала опускать решётку. Боже, как же медленно она это делала! Джем стоял шагах в пяти, подняв оружие: Лука уже выбирался из клетки – неуклюже, вперёд ногами. Но решетка опустилась быстрее и придавила его.

– Открывать не буду! – категорично сообщила я Джему, высунувшись из окна. Мне почему-то подумалось, что он захочет вернуть Луку обратно.

– Пусть лежит, – отмахнулся Джем. – Пошли наверх.

Но едва мы встретились на лестнице, как дверь вверху распахнулась и в проёме, дергая руками и ногами, словно марионетка, появился один из блоггеров. Заметив нас, блоггер оживился и стал спускаться вниз. Со стороны он выглядел нелепо и даже трогательно, одной рукой держась за перила, а другой беспрестанно поправляя на носу очки с разбитыми стеклами. Но за время эпидемии мы разучились жалеть.

Джем поднял пистолет и выстрелил жертве вируса в лоб.

– Я его узнал, – хрипло произнёс мой спутник. – Писал о тебе гадости в тик-токе.

– Это была шутка, да? – жалобно спросила я.

– Да нет, действительно писал. Но убил я не за это, просто не хотел тобой рисковать.

– Мной?

– Ты мне нравишься, Катя, – буркнул этот герой, не оборачиваясь.

– Очень своевременное признание, – ответила я, перешагивая через труп.

Джем вдруг резко остановился и, обернувшись, уставился на меня. Но заговорил не о чувствах.

– Почему они так быстро приехали? – спросил он.

– Кто?

– Блоггеры. Они же постоянно в разъездах и делах, фиг их соберёшь по одному телефонному звонку.

– Я тебя не понимаю.

– Иза заранее пригласила их! Ещё до нападения на тебя коротышки. Катя, ты не чувствуешь запах гари?

Я принюхалась. В открытую дверь действительно тянуло дымом. Не приятным дымком загородного пикника – сытным и ароматным, а запахом горелой шерсти, ткани, крашеного дерева, пластмассы. Мы бросились наверх: в зале, где ещё недавно Иза ругалась с блоггерами, царил полный разгром.

– На улицу! – выкрикнул Джем, уводя меня за руку из замка.

Мы выскочили на свежий воздух и увидели, что второй этаж замка охвачен огнём. В распахнутом окне показался Марсель и замахал руками.

МАРСЕЛЬ, повар

Я высунулся из окна и, заметив Джема с учительницей, радостно всплеснул руками. Мон дью, что творилось позади! Пламя пожирало мебель, пылали картины и старинные – пятнадцатый век! – гобелены. Взрывались под потолком лампы. Клубы дыма заволакивали комнату. Я вот-вот мог превратиться в барбекю!

Как много обещало нынешнее утро!

Мадам Марк пригласила сливки соцсетей, самый топ, знаменитых и популярных. Я готов был удариться о лепёшку и приготовить обед-шедевр. Но мадам словно вышла из ума, она запретила готовить! «Нечего кормить этих дармоедов», – сказала она. Голодные люди сидели на табуретах и задавали злые вопросы. Они говорили ужасные, грубые слова.

Внезапно дверь из подвала отпахнулась, но вместо Джема с мадмуазель Катерина оттуда пришёл жуткий монстр. Вокруг кричали, визжали, бегали, опрокидывали стулья и толкали друг друга перепуганные люди. Почти не останавливаясь, это существо по очереди перекусило горло троим и отбросило их в сторону, будто сломанные игрушки. На плечо мне опустилась тяжёлая рука Цыпы, и я онемел от ужаса.

«Всё! – подумал я. – Прими, Господи, душу верного повара твоего!».

Но – вы можете поверить в это? – ученики загородили меня от вурдалака, а гигант пошёл прямо на него. Мон дью, как величественно он выглядел со стороны! Словно он шоссё коё, охотник, а отвратительный монстр – дичь. Страх мешает мне выстроить события друг другу в затылок. Что было раньше? Что потом? Когда исчезли мадам Марк и доктор? Убитые оживали и начинали собственную

охоту. Потеряв рассудок от страха, я бросился бежать, не разбирая дороги.

Когда способность соображать вернулась, я обнаружил себя на собственной кухне. В мертвенно-бледном свете ламп двое преображённых шли ко мне, роняя на пол отвратительные зелёные слюни. На разделочном столе лежал куто пур ла вьяд, нож для мяса – большой тесак, острый как язык дьявола.

«Пусть я трус! – пронеслось в голове. – Пусть у меня трясутся колени и душа спряталась под пятку. Но я умру как мужчина, с оружием в руках!».

Схватив тесак и вопя от страха, я бросился в атаку. Видно, ангел смерти направлял мою руку – первый же удар раскроил череп противника. Но их было двое, второй ухватил за руку и рванул к себе, не давая времени вытащить нож. Я уже чувствовал зубы на своей шее, когда хватка существа ослабла и пальцы разжались. А вслед за тем оно рухнуло на каменный пол. Я обернулся – позади стоял Цыпа.

– Откуда ты взялся? – часто-часто дыша, спросил я.

И сам же ответил:

– Одноухий из подвала рыщет по замку!

Справившись с дыханием, я вытащил тесак из черепа убитого и, не веря собственным ушам, сказал, словно выплюнул:

– Пошли, убьём его!

Сквозняк в коридоре принёс запах улицы. Казалось, мы идём по руэль, узкому ночному переулку – два путника в чужом городе. Цыпа вёл меня, ориентируясь на собственное чутье – не звуки, не запахи, а нечто внутри, позыв души, шёпот подсознания. И когда он останавливался, прислушиваясь – казалось, гигант слушает себя. В какой-то момент я подумал: мы движемся не по следу, а навстречу, предугадывая, где появится монстр. Вдруг вспыхнул свет, а затем я услышал знакомые голоса – оказалось, мы вышли к покоям хозяйки. Придержав Цыпу (невероятно, он послушался!), я замер у приоткрытой двери.

– Прекратите истерику! – слышно было, как раздражён доктор. – Мы видели его на улице, в его чипе прописан запрет на охоту за нами – какого рожна ему понадобится возвращаться?

Но мадам не желала успокаиваться:

– А где Лука? Он уже должен быть здесь, но его нет!

– Ваш Лука – маньяк. Я его вычеркнул из стоп-файла.

Цыпа распахнул дверь и вошёл, за ним в комнату прошмыгнул я. Паскаль стоял у открытого бара – раскрасневшийся от выпитого. На мадам было страшно смотреть: она вжалась в кресло, почти исчезнув под своей шалью, лишь бледное лицо выглядывало наружу да тонкие руки сдавили трость. Будто она отталкивалась этой тростью от пола, стремясь спрятаться под шалью полностью. Рядом с креслом сидел Коленька, играя оранжевым бантом.

Увидев меня, Иза Марк дёрнулась в кресле и напустилась на доктора.

– Ты не закрыл дверь! – выкрикнула она.

– У меня есть пистолет, – Паскаль ухмыльнулся, изображая храбреца. Он находился в той стадии опьянения, когда океан дерьма кажется лужицей, оставленной нашкодившим котёнком. В следующий момент Коленька поднялся на ноги, а за его спиной завизжала Иза Марк. Паскаль уронил бокал на ковёр, выхватил пистолет и. направив на меня, выстрелил. Так показалось мне в начале той долгой секунды, а на исходе её пуля попала в Цыпу. В тот момент он сражался с ворвавшимся в зал одноухим. Заражённые вирусом не умирают от пуль, только если разнесешь им голову. Говорят, в результате болезни душа покидает тело, но я во всякие ла фикшн не верю. Пуля дезориентировала гиганта, и он упустил рвущегося к мадам монстра. Тот свалил меня с ног ударом лапы и попытался сделать то же с бросившимся наперерез Коленькой. Но наш коротышка повис на чудовище, словно собака на медведе. Паскаль выстрелил ещё раз и снова промазал. Локтем он задел канделябр с зажжёнными свечами и свечи упали на пол. Пуля разбила оконное стекло, и оно пошло трещинами. Когда Цыпа добрался до чудовища, было поздно: Иза лежала с перекушенной шеей. Вместе с Коленькой они оторвали его от хозяйки замка, словно присосавшегося клеща. У кресла образовалась куча мала, ковёр вовсю пылал и огонь подбирался к бару. Монстр был сильнее, резче, быстрее: он почти отбился от наших учеников. И снова ангел смерти вел меня своими тропами: в какой-то момент куча-мала оказалась у моих ног, я занёс тесак и обрушил его на голову чудовища.

– Великолепно! – заявил доктор, осушил ешё один бокал и направился к окну. – Становится жарко, пора покидать корабль.

– Это же второй этаж!

– Всего второй этаж.

Цыпа лежал на полу: его нога была сломана, он мог только ползти. Огонь перешёл на стойку бара и занялся старинными гобеленами. В поисках выхода я подскочил к окну и увидел там Джема с мадмуазель. Они были живы! Я радостно всплеснул руками.

КАТЯ, учительница

В распахнутом окне показался Марсель и всплеснул руками. Но не прыгнул вслед за доктором, а исчез в дыму и пламени. Небо закрывали тяжёлые тучи: они плыли низко, почти касаясь вышки сотовой связи и верхушек тополей у ограды. Тусклые пятна намокших фонарей тонули в кромешной вечерней тьме. По садовым дорожкам меж запущенных кустарников, по мокрому асфальту автодороги, по площади перед замком метались обезумевшие животные, и понять, сколько их, было невозможно. Мило и забавно свиньи выглядят лишь на картинках детских книжек: когда на тебя летит двухсоткилограммовая туша, становится не до улыбки. К тому времени, как мы с Джемом выскочили во двор, из журналистов-блоггеров в живых осталось около дюжины. Они испуганно жались в кучку, а самый безбашеный продолжал снимать на камеру телефона. Крупный, высокий, в массивных квадратных очках, он не выпускал айфон из рук. Одна из свиней, мокрая и грязная, пронеслась рядом с ним и едва не растоптала лежавшего на земле Паскаля.

Я бросилась к доктору: Паскаль был пьян. Может поэтому, он остался в сознании и принялся руководить мной, пока я перетягивала жгутом из собственного платка вены на его сломанной ноге и бинтовала чьим-то шарфом рану.

– Туда! – распорядился Джем, показывая в сторону тополей у ограды. – Несите Паскаля туда! Я за оружием.

Оставаться рядом с горящим зданием становилось опасно.

– Ноги свяжи! – потребовал доктор. Жгутом, перетянувшим ему сосуды, служил мой платок, а вот материала для фиксации сломанной ноги не было. Оставалось только привязать её к здоровой.

Пока я возилась, подошли ученики, руководимые Ниной, и окружили нас кольцом. В этот момент что-то с грохотом упало рядом, заставив меня завизжать от испуга. Оказалось, Марсель вытащил из огня гиганта и сбросил его из окна: Цыпа, как и доктор, самостоятельно мог только ползти. Вслед за спасённым гигантом,

выпрыгнул и сам герой – с залихватским криком «А-а-а-у-у-у-у-о-о-о!».

Ситуация тем временем становилась критической: среди животных появились заражённые. Наше отступление напоминало паническое бегство, ученики потеряли двух человек – свиньи их просто затоптали. Замок уже вовсю пылал, искры летели во все стороны, а вскоре загорелась конюшня. Слышно было ржанье запертой там лошади. Отступив к ограде, мы спрятались за деревьями: сзади нас защищал забор, а впереди – толстые стволы тополей. В узком проходе между ними неожиданно обнаружился одноухий блоггер. Он развернулся к нам, дёрнулся, но отойти от решетки не смог. Его правая рука была просунута между прутьев и в ней он держал дорогую фотокамеру: бедняга не хотел отпустить её и не мог сообразить, как пролезть. Но близость добычи решила исход: камеру он всё-таки отпустил. Паскаль, которого мы усадили спиной к тополю, вытащил из кармана пистолет и выстрелил.

– Попал, – удивленно сказал доктор, глядя, как заваливается на бок одноухий.

Вслед за тем раздались выстрелы в стороне. Это Джем, словно терминатор, шёл по двору, хладнокровно расстреливал из винтовки животных и зараженных. Через четверть часа всё было кончено.

– Сейчас бы водки… – произнес блоггер в квадратных очках, заканчивая снимать.

– Иди ко мне! – позвал Паскаль. Оказывается, он выпрыгнул с бутылкой в кармане! Бутылка тут же пошла по рукам.

– Упокой, господи, Изу, чтоб ей ни дна, ни покрышки! – приложился и доктор, но едва он сделал глоток, как в дверях замка показалась невысокая фигура.

– Едит твою за ногу! – вскрикнул док. – Коротышка!

Это действительно был Коротышка. И он нёс на себе Изу Марк.

Я посмотрела на Джема, взяла у него бутыль и тоже сделала глоток.

КАТЯ, учительница (эпилог)

Я посмотрела на Джема, взяла у него бокал и сделала глоток.

– Нет! – сказала я.

Со времени пожара прошёл год.

Погибло девять человек, пятеро застряло между смертью и жизнью, включая виновницу всех этих событий. Все пятеро – теперь ученики нашей школы: благодаря кадрам, что сняли блоггеры, школа стала самым популярным проектом в Европе.

Над Паскалем состоялся суд. Он валил всё на бывшую жену, которая растратила средства школьного фонда и решила махом покончить со всеми долгами. А заодно заснять трагедию во всех подробностях и безбедно жить, зарабатывая на воспоминаниях. Паскаля приговорили к двадцати годам, но Джем говорит, что док уже работает на правительство в каком-то закрытом институте. С собой он забрал Луку, которого мы наотрез отказались обучать в нашей школе.

Марсель открыл ресторан под названием «Ни слова о зомби». Вышибалой там работает Цыпа – у него теперь деревянная нога и пиратская повязка на левом глазу, но они нисколько не мешают ему справляться с обязанностями. Это первый (и пока единственный) случай официального трудоустройства бывшего зараженного. Каждый год блоггеры собираются у Марселя отмечать своё спасение: он кормит и поит их бесплатно

Мы с Джемом остались в школе, где нам помогает Нина. Она научилась говорить на языке немых и записывает лекции с компьютерным переводом для занятий по Интернету. Лекциями, конечно, это назвать сложно, скорее рассказом семилетнего ребенка. Иза Марк с Коротышкой сидят за одной партой и вполне довольны жизнью и друг другом. Учатся они средне, зато охотно помогают по хозяйству.

Джем три раза делал мне предложение.

В первый раз он сказал «выходи за меня в полночь», во второй – «изыди за меня замуж», а сегодня – «выходи за меня, жмурясь».

– Нет! – в третий раз ответила я.

Не все истории заканчиваются свадьбой.